

Т Е К У Щ Е Е

Евразийцы на Балканах

Балканы до сих пор еще остаются крупным центром русской эмиграции. Острые моменты тяги в другие страны уже миновали и лиц, живущих ныне в том или ином государстве, можно, без особой боязни впасть в ошибку, считать живущими там оседло. В связи с этим и бытовой уклад и политическая работа приняли на местах более или менее устойчивый характер. Благодаря этому, а также и тому, что Евразийская активность на Балканах имеет за собою уже некоторую давность и традицию, там создались дружные организационные кадры и у местных деятелей сложилась значительная общность взглядов на вопросы, связанные с повседневной работой. Это обстоятельство чрезвычайно существенно, ибо придает такой работе ту внутреннюю согласованность, без которой планомерное развитие организационной деятельности было бы недостижимо. Вместе с тем местным деятелям — в отличие от лиц составляющих направляющий и идеологический центр — физически невозможно отрешиться от участия в тех или иных событиях текущего момента, в их местном преломлении, и избежать отчетливого выявления своего отношения к ним.

Евразийское дело стоит под знаком непримиримости, безусловной, решительной и беспромиссной непримиримости к коммунизму. Однако, характерное для времени добровольчества стремление под предлогом пресловутой «аполитичности» механически объединить в одно целое разнородную массу противоречивых интересов, сходящихся единственно на отрицании коммунизма, и то часто по взаимно исключаящим одна другую причинам, сменилось в евразийской среде на Балканах органической спайкой — подданством объединяющей и сплачивающей идее. В связи с этим изменилась, точнее передвинулась значительно вперед цель борьбы. Она перестала исчерпываться свержением коммунистической власти. Свержение стало мыслиться лишь, как необходимый этап борьбы, — этап неизбежный, но не конечный. — Без свержения коммунизма не могут быть раскрыты великие судьбы изжившей и преодолевшей революцию России, не может быть выявлена ее самобытная (на основе Православия строяемая) культура, направляющая для всего Евразийского материка.

Истекший год характерен чрезвычайной интенсификацией травли поднятой против Евразийства (а, следовательно, по доброму русскому обычаю, и против отдельных евразийцев) некоторыми группами русской зарубежной общественности. Цепляясь — кто за призраки власти над эмиграцией, кто за миражи идеологического руководства ею — представители поколебленных дореволюционных мирозерцаний и после революционных честолюбий пытались — и голословным отрицанием, и клеветой, и даже, в чаинном простодушии и самоочаровании, приказами — остановить рост нового, национального до самых исторических истоков своих, мировоззрения, и воспрепятствовать проникновению евразийских идей во все более и более широкие слои выброшенных за пределы родной страны людей. Между тем становится все более и более ясным, что не те, кто солидарно ответственны за прошедшую катастрофу, призваны и способны вывести нас из оврага, в котором мы очутились; что не по плечу эта задача тем, кто из своих расслабленных рук выпустил власть во время войны; тем, кто неконструктивную критику из поколения в поколение преемственно обращал в профессию; тем, наконец, кто из поджигателя в молодости к старости обратился в пожарного... Не им, как и не социалистам дать ответ на мучительные искания тех, кто пытается осмыслить кажущуюся бессмыслицу происшедшего и проникнуть в загадку будущего.

Вследствие изложенного поднятая травля при всей ее злобной напряженности цели не достигла и распространения евразийских идей не приостановила. Напротив того, она необыкновенным образом подняла и обострила интерес к Евразийству в широких эмигрантских массах. Так уж искони повелось, что интерес всегда возбуждается бранью больше, чем похвалой. Одновременно

она вызвала и укрепила исповеднический пафос в среде тех, кто свои взгляды не привык подгонять под трафарет угодный тем, кто почему то вообразил себя идеологическим или строевым начальством.

Попытки обвинить Евразийство во всех смертных грехах, хотя и доставили отдельным евразийцам много скучных и тяжелых переживаний, однако же принесли движению весьма ощутительную пользу. Отринув от него с одной стороны неустойчивые и маловерующие элементы, а с другой тех, кто напряжению самостоятельной мысли предпочитает покой привычного наблона, эти попытки будили в добросовестных и пытливых умах желание самостоятельно разобраться в мировоззрении, с такой страстностью оспариваемом. И не трудно было этим умам убедиться, что правда далека от того винегрета обвинений, с которыми нестерпимыми рядами выступают против евразийства его профессиональные и добродетельные враги, что нет в нем ни «неблагонадежности», ни уклонов к «соглашательству», о которых периодически «намекали» наши благородные и в молодости много боровшиеся с «доносительством» оппоненты, ни «черносотенства модери» столь испугавшего некоторых авторов в «Посл. Новостях», ни «вывиха мозгов»; о котором истерически предупреждала с ров одна их соратница, ни даже «неуместного увлечения» по характерному выражению одного, впрочем весьма почтенного, военного генерала, в свое время безуспешно пытавшегося приказом принудить всех б. военно-служащих стать для чего то «аполитичными». И не только убедиться в изложенном, но и найти в круге евразийских утверждений многое такое, что несомненно соответствовало и отвечало собственным мыслям и неоформившимся исканиям.

Истекающий год богат для нас в этом отношении и опытом... Богат и ценными приобретениями.

Из стран, расположенных на Балканском полуострове наиболее ярко проявилась в текущем году евразийская работа в Сербии. Необходимость такой интенсификации была вызвана рядом причин. Вследствие некоторых бытовых и исторически сложившихся условий, русская эмиграция в Сербии стала в положение как бы старшего брата к эмиграции, осевшей в Болгарии, оказавшейся к тому же во многих случаях в прямой зависимости от Белградских русских административных и организационных центров. Между тем евразийская деятельность в Болгарии имела значительно большую давность, а потому и более налаженную чем в Сербии организацию. Пробел необходимо было восполнить — что ныне и осуществлено.

Одновременно было признано желательным усилить популяризацию евразийских утверждений путем изложения и обсуждения в доступной форме не только идеологических, но и чисто тактических установок — хлеб добывается с большой затратой труда, а потому многим серьезное чтение просто недоступно... Во исполнение данного решения в Белграде состоялось несколько собраний, на которых местные и приезжие евразийцы разбирали в ряде докладов очередные вопросы идеологического и тактического свойства и обменивались мнениями о событиях текущего момента. Кроме того, и уже в частном порядке, нашими белградскими единомышленниками было сделано несколько сообщений в тесном кругу некоторых местных организаций — по приглашению этих последних. Такого рода общения очень способствовали установлению атмосферы взаимной терпимости и доброжелательных отношений с теми, кто хотя и расходится с нами во взглядах, однако искренно ищет подхода к пониманию таковых. Состоялось несколько докладов и в провинции. Наиболее значительным как по аудитории, так и по возбужденному их интересу был доклад полк. Ген. Шт. Р. К. Дрейлинга в Загребе.

Из издающихся в Белграде двух газет — одна, «Русский Военный Вестник», издавна с непредвзятым интересом и симпатией относится к евразийству. Другая, «Новое Время», свое отношение к евразийству выражает довольно пестро, что может быть объяснено единственно тем, что внутри самой редакции не установилось в этом вопросе полной общности взглядов. Одна часть редакционной коллегии, связанная с традицией русской национальной мысли, повидимому, отнеслась к евразийству сочувственно, видя в нем новое, безусловно национальное течение русской мысли*); другая же часть, с этими традициями ни именем, ни прошлым своим не связанная, но по каким то причинам пользующаяся большим удельным весом, чем первая, обрушилась за последнее время на страницах того же «Нового Времени» на евразийство с обычными для наших противников отчасти доносительными приемами. К прежним обвинениям прибавилось новое — недостаточно бережное отношение к «точности юридической мысли, выработанной западом...»

Отмеченная выше непредвзятость «Русского Военного Вестника» к Евразийству и вообще независимость его мнений не могла оставить безучастными те круги русской эмиграции, кто в каждом военном пытается видеть подчиненного, требуя от всех б. военнослужащих полной «аполитичности», — кроме, конечно, самих себя. «Русскому Военному Вестнику» было поставлено в вину неуместное увлечение Евразийством (и поставлено еще и другое, также касающееся убеждений, требования) и предложено срочно сойти с «несоответственного пути» под угрозой принятия всевозможных мер воздействия в случае отказа. На измену своим убеждениям редакция «Русского Военного Вестника» разумеется не пошла и исповеднически стойко отвергла предъявленные к ней требования, тем более неожиданные, что «Русский Военный Вестник» является всецело изда-

*) «Новое время» от 21 Января 1927 г. № 1717. Передовая, посвященная разбору изданной нами брошюры «Евразийство».

нием своего Редактора-Издателя Н. П. Рвлицкого и ни в какой материальной зависимости, — как это всем хорошо известно, — ни от кого, а тем более от каких-либо военных организаций, не состоял и не состоит. Н. П. Рвлицкий «не считая возможным по долгу совести выполнить предъявленное ему, как члену Русского Обще-Воинского Союза, требование о коренном изменении направления «Р. В. Вестника» в вопросах составляющих его верование»* подал заявление о выходе своем из состава этого Союза. Таким образом «Русский В. Вестник» останется тем, чем он был.

Работа в Болгарии протекала значительно более спокойно и свелась главным образом к поддержке и укреплению уже существующей организации, распространению литературы, обсуждению текущих вопросов и собеседованиям, устраиваемым как в чисто евразийской среде, так и в среде, хотя и не евразийской, но интересующейся этим мировоззрением и желавшей ознакомиться с ним вне нарочитой предвзятости газетных статей. Местные церковно-общественные злобы дня сильно отвлекли внимание русской эмигрантской колонии от вопросов более принципиального общего характера, почему последние переживались с значительно меньшей остротой, чем в Сербии.

Текущей зимой предположено устройство как в Софии, так и в Болгарской провинции ряда публичных докладов с участием как местных, так и приезжих лекторов.

Греция, по незначительности русской эмигрантской колонии, разбитой между Афинами и Салониками, является своего рода полуфронтами. Однако, интерес к евразийству наблюдается довольно значительный и там. Одни подходят к евразийству с симпатией, другие с опаской, легко рассеиваемой при более близком ознакомлении с ним, и оглядкой на «начальство», некоторые с враждебностью — и все почти с интересом...

На фоне изложенных настроений, событий и взаимоотношений протекала и протекает евразийская работа на полуострове. Многие характерные для Балкан характерно и для других мест русского рассеяния; многое для Балкан специфично. Но, разумеется, для взаимного ознакомления общий интерес представляет как то, так и другое...

Среди симпатий и раздражений, увлечений и отталкиваний суждено, очевидно, евразийству развиваться и далее. В этом развитии ему предстоит считаться с внутренним осознанием истинной правды больше, чем с ложью принципиального недоброжелательства...

В. Б—К.

1927, Октябрь.

*) «Новое Время» от 8 окт. № 1931.